

Антон Уткин

ЧТО ТАКОЕ ЛИТЕРАТУРА?

(Несколько слов об этике искусства)

Выступление на XII-х Международных яснополянских писательских встречах 10 сентября 2007 года

Не так давно я выбирал книгу для летнего чтения одной одиннадцатилетней девочки и в конце концов остановился на "Витязе в тигровой шкуре" Шота Руставели. Сняв ее с полки, я обратил внимание, что поэма издана детским издательством. Это не удивило меня, а, напротив, укрепило в сознании правильности сделанного выбора. Я решил перечитать ее, что и исполнил. Чтение повлекло за собой размышления, которые я осмеливаюсь изложить здесь, как родственные теме, предложенной для обсуждения под номером 2.

О чем это произведение? В чем секрет его вечной молодости? К чему оно служит еще, кроме как к тому, чтобы услаждать слух пленительной формой стиха? Что такое чтение может дать ребенку, помимо удовольствия? Оно о дружбе, о самоотверженности, о благородстве, о всепоглощающей любви. Оно о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Некогда на заре человеческой истории все эти понятия не имели тех общих значений, которыми наделило их развитие культуры. Магические обряды наших предков имели вполне конкретную направленность: люди с помощью ритуалов, которым нередко помогали сочетания слов, стремились сделать так, чтобы все в мире продолжало существовать на благо живых существ, пытались заклясть стихию. Злом тогда считались неурожай, засухи, неудачная охота и так дальше. Заклинание было призвано поддержать миропорядок, в котором человек уже нашел свое место.

"Познание не является ни единственной, ни главной целью мифа, - писал Е.М.Мелетинский. - Главная цель - поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка, в чем мифам помогают ритуалы - вторая, практически действенная сторона единого ритуально-мифологического комплекса". В наши дни это уже общее место этнографии, но я всё же приведу одно любопытное свидетельство, не столько в качестве примера, сколько в качестве яркой иллюстрации. "Мы - народ, - сказал как-то Юнгу некий вождь племени индейцев пуэбло, - который живёт на крыше мира, мы - дети солнца, и, совершая свои обряды, мы помогаем нашему Отцу шествовать по небу. Если бы мы не делали этого, что бы случилось тогда? Если мы перестанем это делать, то через десять лет солнце перестанет всходить и наступит вечная тьма".

Представление о добре здесь ещё не имеет привычного нам значения, хотя уже приближается к нему: добро это то, что поддерживает мироздание. По мере усложнения общественной жизни пробудилась собственно этика. Для её нужд новыми понятиями обросли старые корни давно употребимых слов. Длительная эволюция социальных институтов, возникновение нового мироощущения отразились в языке. Так, например, известно, что важнейшая философская терминология во всех индоевропейских языках Европы восходит к к терминам обработки дерева, гончарного дела и ткачества. Таким образом, основа перестала обозначать исключительно холст, расположенный на ткацком

станке, под дружбой стали понимать нечто большее, чем простую обязанность, налагаемую обычаем гостеприимства; в благородстве увидели красоту божественного характера, а не просто факт рождения от свободных матери и отца; "помимо нормального процесса обмена, когда одна вещь дается в обмен на другую, - писал выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист, - появляются слова для обозначения другого вида обмена - кругооборота благодарений и признательности, когда нечто отдается безвозмездно, предлагается в знак благодарности"; бескорыстие, продолжаю уже я, вступило в борьбу за исконные права проявлений человеческого духа. Злом стало не только, скажем, нашествие саранчи или недород, но и все то, что препятствует свободному проявлению этого духа. Понятия добра и зла как бы поднялись на новые ступени смысла, всё более укрепляясь в роли категорического императива.

Вместе с тем, многие из нас сегодня как будто чувствуют легкое утомление от размытости, нечеткости, кажущейся неуловимости этих понятий. Порой наше отношение к произведениям искусства, на них основанным, окрашено снисходительностью и лишено той непреложности, какую они имели в сознании людей прошлого. Мудрость новейшего времени мыслится нами более зрелой, а потому и более понятной. Как заметил Юнг, хотя и по другому поводу, "и добро, и зло размываются, теряя конкретные очертания, что в конце концов приводит к духовному застою. Нет более ни добра, ни зла. В лучшем случае есть моё добро или моё зло, как нечто, кажущееся мне добром или злом".

Но ведь и у многих из нас, подумал я, закрывая книгу Шота Руставели, случаются трудные минуты, когда невольно ставятся под сомнение сами основы этической жизни. Мир тогда кажется слишком сложным, чтобы подходить к нему при помощи понятий добра и зла, которые представляются нам, в отличие от человека прошлых эпох, слишком абстрактными, а потому бессильными.

Тогда на помощь приходит книга, например та, где повествуется о приключениях Автандила, Таризла и Нестан-Дареджан, и человек читает о подлинном, и понимает, что смятение его духа случайно и преходяще, и в словах древней поэмы находит опору и упование. Словно бы автор через столетия убеждает такого читателя: "Ты живешь в том же мире, в котором жил и я, и ничто в нем не изменилось". И читатель видит, как в незапамятные времена в незнакомых странах люди усматривали самый смысл своей жизни в следовании простым и прекрасным истинам, о которых и он не раз слышал в детстве; видит, что бесчисленные поколения пронесли до наших дней именно этот завет, а не какой-либо иной. Как и много лет назад, способность исполнять свое слово, самоотверженность и великодушие остаются синонимами добродетели, и настоящая честь обретается верностью этим вещам. И понимает ещё читатель, что так было, должно быть и будет, а, следовательно, и есть в настоящее время, не смотря на все сомнения искушенного ума. В этом, безусловно, и заключается религиозность литературы. И это весьма просто увидеть: многочисленные её произведения, твердившие об обратном, всеми забыты, а прекрасное творение грузинского поэта существует уже восемь сот лет и, как драгоценность, играет всеми оттенками благодати.

"Если сравнить поэму "Витязь в тигровой шкуре" с восточными и западными поэтическими романами, относящимися к тому же столетию, то мы можем увидеть много общего... Разница между ним (Руставели) и другими романтическими писателями состоит в том, что Руставели имеет определенную миссию, почти религиозные убеждения". И это не просто гипербола Мориса Боура. Литература и есть религия. Коль скоро миф,

сопричастный религии, это порождение ритуала, а литература есть прямая наследница мифа, то наследует она не только агональный характер, как права привлекательной внешности, но и те важнейшие обязанности, которые на протяжении тысячелетий были призваны нести ритуал и миф.

Таким образом, если угодно, искусство - это заклинание. Заклинание нового типа. Заклинание, соответствующее внутреннему развитию общества, созданное современными изобразительными средствами. И литература, как часть искусства, тоже является заклинанием. И в наше время не в меньшей степени, чем прежде. Как и раньше, она призвана любоваться добром и осуждать зло, поддерживая, впрочем, значение этих слов на границе абстрактного и конкретного. "Поскольку сама молитва есть жертвоприношение, - говорит Бенвенист, - она действует собственной силой". Но литература и есть молитва.

Поэтому у любого, кто собирается вести с детьми беседы по нравственным вопросам, неизменно есть могучий и верный союзник - художественное слово. Ван Гог как-то сказал про Гогена: "Он считает, что хорошая картина сродни хорошему поступку".

Восемьсот лет назад Шота Руставели сделал хороший поступок, который до сих пор радует нас и наших детей. Будем надеяться, что эта счастливая способность не покинет и ныне живущих.